

A movie poster for the film 'Голод' (Hunger). The central figure is a young woman with long, wavy, reddish-brown hair and blue eyes, wearing a dark, textured cardigan over a grey top. She is holding a white ceramic cup with a brown floral pattern. To her left, the profile of a man in a dark jacket is partially visible. The background is a blurred outdoor scene with a car. The title 'Голод' is written in large white letters, with 'Ангела Наумова' above it.

Ангела Наумова
Голод

18+

Анжела Наумова

Голод

<https://litres.ru/74322783>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Голод» — это 30 историй о женщинах, которые перестали чувствовать себя живыми. О тех, кто потерял себя в тишине пустых квартир, в запахе лекарств и остывшего кофе. И о том, как одно прикосновение может вернуть их к жизни.

От аптеки до танцевального зала, от ночной смены до старого парка — героини этого сборника ищут не просто любовь. Они ищут себя. Они хотят снова чувствовать. Даже если это больно. Даже если это страшно.

Для тех, кто знает: иногда самый сильный голод — это голод по теплу.

Содержание

Рассказ 1. Голодные глаза	4
Рассказ 2. Тёплый хлеб	13
Рассказ 3. Сухой рот	20
Рассказ 4. ЖЕНЩИНА У ОКНА	27
Рассказ 5. НОЧНАЯ СМЕНА	36
Рассказ 6. ПИРОГ С ЯБЛОКАМИ	43
Рассказ 7. Жарче, чем было	50
Рассказ 8. СУХАЯ ЗЕМЛЯ	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Анжела Наумова

Голод

Рассказ 1. Голодные глаза

Она провела пальцем по краю пустой чашки. На дне осталась коричневая плёнка. Она не помнила, когда пила чай. Может быть, утром. Может быть, вчера. Она жила одна. Сорок семь. Разведена. Работала в аптеке. Двенадцать лет. Запах таблеток и стерильных бинтов въелся в шторы, в диван, в её волосы. Даже после душа она чувствовала его — под кожей, смешанный с потом и мылом.

Она не знала, зачем она это делает. Она просто сидела. Смотрела на пустую чашку. Слушала тишину. В комнате было темно, только уличные фонари пробились сквозь тонкие шторы, рисуя на полу длинные полосы. На столе лежала книга, которую она не открывала месяц. Рядом — чашка с остывшим чаем. Всё в этой комнате было старым, остывшим, забытым. Как она сама.

Подошла к зеркалу. Лунный свет падал на лицо, делая кожу бледной, почти прозрачной. Провела пальцами по щеке. Кожа была сухой, тёплой, но казалась

чужой. Сорок семь. Разведена. Работает в аптеке. Живёт одна. Факты, как строчки в чужой анкете. Открыла шкаф, долго смотрела на платья, которые не носила. Сняла одно — синее, с длинным рукавом. Шёлк обхватил тело, как чужие руки. Ирина не узнала себя. Женщина в синем платье была похожа на неё, но другая — смелее, свободнее, как будто знала что-то, чего не знала Ирина.

На следующий день снова стояла у окна. За окном шёл дождь. Капли стекали по стеклу, искажая огни города. Ирина думала о том, что завтра будет то же самое. И послезавтра. И через неделю. И через год. Она ничего не чувствовала при этой мысли.

На третий день вышла. Дождь прошёл, но асфальт был мокрым, и фонари отражались в лужах, как жёлтые глаза. Ирина шла медленно, не зная, куда. Каблуки стучали по мокрому покрытию. У аптеки остановилась. Вывеска горела зелёным. Внутри никого. Толкнула дверь — мягкий звон. Пахло лекарствами и чистотой. Стеллажи белые, ровные. На полках коробки, пузырьки, тубики. Всё на своих местах.

Ирина подошла к стойке и увидела его. Он стоял у витрины спиной, смотрел на полки. Пальто влажное от дождя. Высокий, широкоплечий, тёмные волосы с сединой. Он повернулся. Она увидела его глаза. Голодные. Не до еды — до жизни, до света, до того, что

Ирина не могла назвать.

— Вы работаете? — спросил он.

Голос тихий, низкий, с хрипотцой.

Она кивнула.

Он подошёл к стойке, протянул рецепт. Его пальцы были длинными, сухими. Когда Ирина взяла бумагу, её пальцы дрогнули.

— Подождите, — сказала она. — Я найду.

Она пошла в дальний угол. Свет ламп падал на коробки. Она не помнила, какое лекарство он просил. Стояла и чувствовала его взгляд на спине.

— Я могу помочь, — сказал он, подходя ближе.

Ирина слышала его шаги, чувствовала запах — дождь, табак, что-то тёплое.

— Я не знаю, — сказала она, не оборачиваясь. — Какое лекарство вы просили?

Он молчал. Воздух стал плотным. Она повернулась и посмотрела ему в глаза.

— Вы не за лекарством, — сказала она.

Он не ответил. Сделал шаг. Она отступила. Ещё шаг — её спина упёрлась в стену. Холодную, белую, с коробками на полках. Он стоял близко. Она чувствовала его дыхание на своих губах.

— Я не знаю вашего имени, — прошептала она.

— Сергей.

— Ирина.

Она назвала своё имя и почувствовала, как что-то сломалось. Голос дрогнул. Она плакала. Слёзы текли по щекам.

Он взял её за руку.

— Выйдем? — спросил он.

Она кивнула.

Они вышли. Дверь закрылась с мягким звоном. Ветер ударил в лицо — холодный, влажный. Она не чувствовала холода. Только его руку в своей. Они стояли под фонарём, жёлтый свет падал на них, делая тени длинными. Снова начинался дождь. Капли падали на асфальт.

— Почему вы смотрели на меня? — спросила она.

— Я увидел ваши глаза, — сказал он. — Они были пустыми. Я понял, что должен что-то сделать.

Ирина смотрела на него. Он не знал её, не знал, кто она, что с ней случилось. Но он увидел её глаза.

— Куда мы едем? — спросила она, когда они сели в машину.

— Ко мне, — сказал он. — Если вы не против.

Она не ответила.

В машине было тепло, пахло кожей и табаком. Дождь барабанил по крыше. Ирина сидела и смотрела, как капли стекают по стеклу. Они не говорили.

Они зашли в подъезд. Свет тусклый, стены старые, с облупившейся краской. Эхо шагов. Он открыл

дверь. Квартира маленькая, уютная. Пахло старой мебелью, книгами, табаком. На столе лампа с зелёным абажуром, свет мягкий, тёплый.

— Проходите, — сказал он.

Она сняла пальто. Стояла посреди комнаты, смотрела на его вещи — книги на полках, пустую кружку, старый диван.

Он подошёл сзади. Она чувствовала его дыхание на своих волосах.

— Вы боитесь? — спросил он.

— Да, — сказала она.

— Я тоже, — сказал он.

Она повернулась. Он не врал.

— Когда я увидел вас в аптеке, — сказал он, — я понял, что должен что-то сделать. Вы выглядели так, будто кто-то забыл вас в этом мире.

Никто никогда не говорил ей таких слов.

Он взял её за руку. Прикосновение было тёплым. Она чувствовала, как по коже побежали мурашки.

— Я хочу вас, — сказал он. — Но я не хочу вас пугать.

— Я не знаю, что делать, — сказала она. — Я давно не была с мужчиной.

Он не ответил. Просто смотрел на неё, давая ей время.

Она наклонилась и поцеловала его. Губы сухие,

мягкие. Ирина чувствовала его дыхание, его запах. Его руки скользнули по её спине. Медленно, словно боялись разрушить этот момент.

— Я хочу тебя чувствовать, — прошептал он.

Она кивнула. Его пальцы расстёгивали пуговицы. Ткань скользнула с плеч. Он смотрел на неё с тем же голодом.

— Ты красивая, — сказал он.

— Сними рубашку, — сказала она.

Он снял. Свет падал на его плечи, на седые волосы на груди. Она смотрела на него.

— Я хочу быть с тобой, — повторила она.

— Ты боишься? — спросил он.

— Уже нет, — сказала она.

Он уложил её на кровать. Лунный свет падал на простыни. Ирина чувствовала его руки на своём теле, его дыхание на своей коже. Он целовал её шею, плечи, грудь. Она закрыла глаза и слушала его сердце.

— Посмотри на меня, — сказал он. — Открой глаза. Я хочу видеть твои глаза.

Она открыла и смотрела в его глаза, пока он целовал её.

— Я не помню, когда в последний раз так чувствовала себя, — сказала она потом, лежа на кровати. — Живой.

— Я тоже, — сказал он. — Я тоже не помню.

Ирина лежала и смотрела в потолок. Лунный свет падал на стены. Она чувствовала его руку на своём животе.

— Я устала быть невидимой, — сказала она в тишину.

— Ты не невидимая, — сказал он. — Ты здесь. Ты со мной.

Он притянул её ближе. Она уткнулась носом в его плечо и плакала. Он не спрашивал почему. В какой-то момент она улыбнулась сквозь слёзы и сказала:

— Ты даже не знаешь, кто я.

— Я знаю, — сказал он. — Ты — женщина, которую я искал всю жизнь.

Она засмеялась — первый раз за долгое время.

— Это глупо.

— Это правда.

Она проснулась утром. Солнце проникало через занавески, комната была залита золотом. Он лежал рядом и смотрел на неё.

— Доброе утро, — сказал он.

— Я не хочу уходить, — сказала она.

— Я знаю, — сказал он.

Ирина не знала, что будет дальше. Она не знала, увидятся ли они снова. Но она знала, что больше не хочет быть невидимой.

— Я приду, — сказала она. — Я тебе обещаю.

— Я буду ждать, — сказал он.

Она встала, оделась и вышла на улицу. Солнце светило, асфальт был сухим. Город просыпался. Ирина шла медленно и улыбалась. Впервые за долгое время она знала, что кто-то ждёт её.

На следующий день Ирина вернулась в аптеку. Смена начиналась в восемь, но она пришла на час раньше. Стояла у стойки, перебирала рецепты, хотя знала, что их уже разобрали. Ждала. Сама не знала чего.

— Ты чего такая? — спросила Нина, её сменщица, заходя с чёрным кофе в руках.

Ирина пожала плечами.

— Нормально.

Нина хмыкнула, поставила чашку на стол, сняла пальто. Она была моложе Ирины лет на десять, полная, с короткой стрижкой и вечно насмешливым взглядом. Работали они вместе пять лет, но Ирина никогда не рассказывала ей о себе. Нина не спрашивала. Нина вообще мало что спрашивала.

— Ты платье новое надела, — сказала Нина, прищурившись. — И лицо другое.

— Какое?

— Не знаю. Как будто ты выспалась. Или... — Нина сделала глоток кофе, не сводя глаз с Ирины. — Или тебя кто-то трахнул.

Ирина почувствовала, как кровь прилила к лицу.

Она отвернувшись к стеллажам, сделала вид, что поправляет коробки.

— Ты с ума сошла, — сказала она.

— Ну-ну, — усмехнулась Нина. — Я пять лет смотрю на твою кислую рожу. Сегодня она не кислая. Сегодня она как у человека.

Нина больше ничего не сказала, ушла в подсобку. Ирина осталась одна. Стояла у стойки, смотрела на входную дверь. Сердце билось громко. Она ждала. Не знала, придёт ли он. Не знала, должен ли прийти.

Он пришёл в одиннадцать. Снова в том же пальто, с влажными волосами. Дождь за окном усилился, и он стряхнул капли с плеч, прежде чем войти. Увидел её — и улыбнулся. Не широко, не навязчиво. Просто уголки губ дрогнули.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуйте, — ответила она.

Они стояли друг напротив друга. Ирина смотрела на него и чувствовала, как внутри разливается что-то тёплое. Как будто она ждала его всю жизнь.

— Вы пришли за лекарством? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Я пришёл на вас посмотреть.

Она улыбнулась. Впервые за долгое время она не боялась того, что будет завтра. Она знала, что он придёт снова. И она будет ждать.

Рассказ 2. Тёплый хлеб

Надежда разломилла свежий хлеб и почувствовала, как пар обжигает лицо. Она не чувствовала вкуса. Только пустоту. Она была пекарем двадцать три года. Она пекла хлеб для других. Она давала им тепло. Но сама она не чувствовала его.

В пекарне было жарко. Запах дрожжей, муки и тепла висел в воздухе, густой и уютный, как одеяло. Надежда любила этот запах. Он был единственным, что осталось от мужа. Он умер пять лет назад, и после его смерти она не знала, что делать. Она не плакала. Она просто замешивала тесто. Снова и снова. Дом при пекарне был старым, деревянным, с низкими потолками и скрипучими половицами. Зимой окна замерзали. Летом в комнатах пахло мятой.

— Доброе утро, Надежда Петровна.

В дверях стояла тётя Клава — соседка, которая заходила за хлебом каждое утро. Ей было под семьдесят, она ходила с палкой, но глаза были ясными, живыми.

— Доброе, — ответила Надежда.

— Чем пахнет? Опять ржаной?

— Сегодня пшеничный. С мёдом.

Тётя Клава кивнула, положила на прилавок моне-

ты, взяла каравай и ушла. Дверь хлопнула. За окном проехала машина. Надежда вернулась к печи.

Это продолжалось до того дня, когда в пекарню вошёл он. Дождь лил третий день. Его пальто промокло насквозь, волосы слиплись, и он стоял у входа, стряхивая воду с плеч. У него были светлые глаза, почти прозрачные, и лицо, изрезанное морщинами. Он выглядел так, будто его кто-то забыл. Как и она.

— Извините, можно погреться?

Надежда кивнула. Он сел за столик у окна. Дождь стучал по стеклу. Надежда поставила перед ним кружку с чаем, положила кусок хлеба — свежий, ещё тёплый, с хрустящей коркой. Он смотрел на хлеб, и его глаза изменились. Стали мягче, теплее.

— Спасибо. Хороший хлеб.

— Я пеку двадцать три года.

— Значит, вы знаете, что делаете.

— Я ничего не знаю. Я просто пеку.

Он усмехнулся.

— Как вас зовут?

— Егор. А вас?

— Надежда.

Из соседней комнаты вышла рыжая кошка. Она потянулась, зевнула и прыгнула на подоконник. Надежда посмотрела на неё.

— Это Мурка, — сказала она. — Живёт со мной.

— Ты не одна, — сказал он.

— С кошкой.

— Это тоже не одна.

Он остался до вечера. Дождь всё лил. Она поставила ещё чашку чая, достала из печи новый каравай. Хлеб был золотистым, и когда она разломил его, пар поднялся вверх.

— Почему вы работаете одна?

— Я привыкла.

— Это не ответ.

— А вы почему замёрзли?

— Я ищу место, где можно согреться. Я живу в машине.

Она смотрела на него. За окном проехала ещё одна машина, кто-то крикнул на улице. Кошка насторожила уши.

— Вы согрелись?

— Нет. Но хлеб у вас хороший. И вы...

— Что я?

— Вы не спрашиваете, зачем я здесь. Вы просто дали мне хлеб.

— Я всегда даю хлеб.

— Я знаю. Я это видел.

Они замолчали. В пекарне было тепло. Она сидела напротив него и чувствовала, как внутри неё разливается что-то новое.

— Я не знаю, что мне делать.

— Я живу одна. Я забыла, что такое говорить с кем-то по вечерам.

— Я тоже забыл.

— Зачем вы здесь?

— Я увидел свет. Я пошёл на него. Я искал место, чтобы согреться. Но когда я попробовал ваш хлеб... я понял, что искал не свет. Я искал тепло.

— Егор.

— Что?

— Оставайтесь. На сегодня.

Он смотрел на неё.

— Вы уверены?

— Нет. Но я хочу, чтобы вы остались.

Надежда показала ему комнату на втором этаже. Маленькую, чистую, с узкой кроватью и окном в сад. Пахло сушёными травами и деревом. Кошка мяукнула и побежала вниз.

Утром она проснулась рано. Солнце ещё не взошло. Надежда подошла к окну. Дождь прошёл. Листья блестели. За забором кто-то разговаривал — голоса были приглушёнными, но живыми.

Она спустилась, зажгла печь, замесила тесто. Он спустился через час. Стоял на пороге.

— Я собирался уходить.

— Я знаю. Но вы не будете хлеба?

— Буду. Я не могу уйти без твоего хлеба.

Надежда нарезала хлеб толстыми ломтями. Они сидели друг напротив друга. Тишина была полной, но не пустой.

— Надежда.

— Что?

— Я вернусь. Я не знаю, когда. Но я вернусь.

— За хлебом?

— Нет. За тобой.

Он ушёл. Надежда стояла на пороге и смотрела, как его фигура становится всё меньше. День прошёл в пустоте. Она месила тесто, ставила хлеб в печь. Заходила тётя Клава, взяла буханку. Спросила: «Ты чего такая?» Надежда пожала плечами. Вечером она сидела у окна. Ждала. Он не пришёл.

На третий день она снова стояла у печи. Тесто поднималось медленно. Кошка тёрлась о ноги. За окном шумел ветер, где-то лаяла собака. Надежда смотрела на тесто и думала о нём.

В дверь постучали. Она открыла. Он стоял на пороге. Его пальто было сухим. Он улыбался.

— Ты вернулся.

— Я же сказал.

— Зачем?

— Я не за хлебом. Я за тобой.

Надежда сделала шаг вперёд. Он шагнул навстречу.

Она подняла руку и коснулась его лица. Он накрыл её руку своей.

— Я боялся, что ты не откроешь.

— Я всегда открываю.

— Я знаю. Но сегодня я пришёл не для того, чтобы войти. Я пришёл остаться.

— Оставайся.

Он шагнул в дом. Дверь закрылась. Кошка мяукнула и прыгнула на диван.

Надежда чувствовала его руки на своей талии, его дыхание на своей шее. Он целовал её плечи, шею. Она закрыла глаза и отдалась его прикосновениям.

— Я ждала тебя.

— Я знаю. Я тоже ждал.

Он подхватил её на руки и понёс в спальню. Кровать скрипнула. Лунный свет падал на стены. Он целовал её грудь, её живот. Она чувствовала его пальцы на своей коже, его дыхание, его желание.

— Ты тёплая. Как твой хлеб.

— Я не хлеб.

— Я знаю. Ты лучше.

Она проснулась утром. Солнце проникало через занавески. Он лежал рядом, смотрел на неё.

— Доброе утро.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

— Я никуда не уйду. Я останусь.

— Надолго?

— Навсегда. Если ты позволишь.

Надежда улыбнулась. Впервые за пять лет она верила, что её жизнь может измениться. За окном пели птицы. Где-то проехала машина. Кошка прыгнула на кровать и улеглась у них в ногах. Мир был живым. Мир был настоящим. И он был с ней.

Рассказ 3. Сухой рот

Вера открыла кран и подставила ладони под воду. Смотрела, как вода стекает по пальцам, но не чувствовала её. Холодная, тёплая — какая разница? Вера была сухой. Внутри неё не было ни капли. Она не плакала. Она не смеялась. Просто существовала. Сорок четыре года. Учительница. Разведена. Всё в её жизни было правильным, гладким, пустым.

За окном шумел город. Машины, голоса, шаги. Вера смотрела на улицу, но не чувствовала себя частью этого мира. Стояла за стеклом. Не помнила, когда в последний раз чувствовала вкус. Любой вкус. Сладкий, горький, солёный — всё исчезло. Вера встала, оделась, вышла из дома. Не знала, куда идёт. Просто шла, чувствуя, как ветер касается лица. Сухой ветер. Сухое лицо.

В баре было шумно. Музыка, голоса, звон стаканов. Вера села за стойку и заказала вино. Бармен поставил перед ней бокал. Смотрела на него, но не пила. Не чувствовала ни жажды, ни желания. Просто смотрела.

Рядом сел мужчина. Лет пятидесяти, грубый, обветренный, с тёмными глазами. Он смотрел на неё спокойно, без напряжения.

— Вы не пьёте, — сказал он.

— Я пью, — ответила Вера.

— Вы смотрите на вино. Ждёте, что оно само испарится.

— Зачем вы пришли сюда?

— Отдохнуть.

— От чего?

— От работы.

Он усмехнулся — грубо, с хрипотцой.

— Я грузчик. Десять лет. Спина болит, руки трясутся. Пью, чтобы забыть. А вы что забываете?

Вера молчала.

— Вы не пьёте, — сказал он. — Слишком правильная для этого места.

— Вы меня не знаете.

— Я вижу. Ты сухая. Вся сухая. Руки сухие, губы сухие. Даже глаза сухие.

Вера встала, взяла пальто и вышла. Ветер ударил в лицо. Шла быстро, не оглядываясь. Но он шёл за ней — она слышала его шаги.

— Не уходи, — сказал он.

Вера остановилась.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я был таким же. Пока кто-то не сказал мне то же самое.

Он взял её за руку. Грубые, тёплые пальцы сжали её ладонь. Вера не отняла.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Саша. А тебя?

— Вера.

Сказала своё имя и почувствовала, как что-то сломалось внутри. Он привёл её к себе. Квартира маленькая, пахло табаком и старыми вещами. На столе пустая бутылка, на полу одежда. Вера стояла у входа, смотрела на эту комнату. Он снял пальто.

— Ты боишься? — спросил он.

— Да.

— Это нормально.

— Я не знаю, что делать, — сказала Вера. — Я давно не была с мужчиной.

Он не ответил. Просто смотрел, давая время. Вера подошла к нему. Коснулась его лица. Он перехватил её руку.

— Тебя трясёт, — сказал он.

— Я знаю.

— Я сделаю больно?

— Да, — сказала она. — Но я хочу этого.

Он подхватил её на руки и понёс в спальню. Старая кровать с мятой простыней. Снял с неё платье. Вера стояла перед ним, дрожала, но не пряталась. Смотрела в его глаза.

— Ты сухая только снаружи, — сказал он. — Внутри ты мокрая.

— Заткнись, — прошептала она.

Он уложил её на кровать. Вера смотрела в потолок, чувствуя его руки на своих бёдрах, его дыхание на своей коже. Он двигался медленно, давая время привыкнуть.

— Открой глаза, — сказал он.

Вера открыла. Смотрела в его глаза, пока он целовал её.

— Я не сухая, — прошептала она.

— Я знаю.

— Я просто боялась.

— Я знаю.

Утром Вера проснулась от света. Солнце проникало через занавески, комната была залита золотом. Он лежал рядом, смотрел на неё.

— Доброе утро, — сказал он.

— Привет.

Вера встала, оделась. Стояла у двери.

— Ты придёшь? — спросила она.

— Когда захочешь. Ты знаешь, где я.

Вера вышла на улицу. Ветер дул в лицо, но она не чувствовала холода. Шла по улице, среди людей, и впервые за долгое время чувствовала, что живая. За спиной шумел город.

На следующий день Вера не пошла к нему. Хотела. Думала о нём весь день. Но не пошла. Боялась, что ес-

ли придёт — это будет означать, что она слабая. Что она нуждается. Что она не может без него. Она не хотела быть слабой. Она хотела быть сильной. Она хотела быть сухой. Но она была мокрой. Она чувствовала это. Она чувствовала, как внутри неё нарастает желание. Она чувствовала, как она хочет его.

На третий день Вера не выдержала. Пошла к нему сама. Не ждала, пока он придёт. Не ждала, пока он позвонит. Взяла и пошла. В подъезде пахло сыростью и мокрой штукатуркой. Вера стояла у его двери и стучала. Он открыл.

— Ты пришла, — сказал он.

— Да.

— Я думал, ты не придёшь.

— Я тоже думала.

Он впустил её. Вера вошла. Сняла пальто. Он стоял и смотрел. Вера подошла и коснулась его лица.

— Я хочу тебя чувствовать, — сказала она.

— Я хочу тебя чувствовать, — сказал он.

Она сняла с себя одежду. Медленно. Он смотрел на неё. Вера легла, закрыла глаза. Но он не дал ей закрыться.

— Смотри на меня, — сказал он.

Вера открыла глаза.

— В этот раз ты сверху, — сказал он. — Ты хочешь контролировать?

— Да, — сказала она.

Она села на него, чувствуя его руки на своих бёдрах. Власть. Свобода. Сама задавала темп, сама решала. Смотрела на него и видела, как он теряет контроль. Она смеялась. Ей нравилось это чувство — быть сверху, быть сильной. В какой-то момент в коридоре что-то упало — кошка, которая жила у соседей, сбила что-то с полки. Они оба засмеялись.

— Я хочу тебя чувствовать, — сказала она.

— Чувствуй, — сказал он.

Она двигалась медленно, потом быстрее. Смотрела ему в глаза и видела, как он смотрит на неё. Она была не сухой. Она была мокрой, живой, настоящей.

— Ты не сухая, — сказал он.

— Я знаю, — сказала она. — Я просто боялась.

Утром Вера проснулась. Солнце заливало комнату. Он лежал рядом.

— Я не хочу уходить, — сказала она.

— Оставайся, — сказал он.

Вера осталась. Сидела на кухне, пила кофе. Он варил яичницу. Вера смотрела на его руки, на его плечи, на его улыбку. Она чувствовала себя живой.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала она.

— Узнаем, — сказал он.

За окном пели птицы. Где-то лаяла собака. Город просыпался — голоса, машины, шаги. Вера смотрела

на него и чувствовала, что она его часть. Она больше не была сухой. Она больше не боялась быть мокрой.

Не знала, сколько это продлится. Не знала, будет ли он рядом всегда. Но знала одно: больше не боится. Больше не сухая. Больше не хочет быть правильной. Хочет быть живой. Хочет быть мокрой. Хочет быть с ним. На своих условиях. Но с ним.

Рассказ 4. ЖЕНЩИНА У ОКНА

Анна закрыла дверь своей квартиры и прислонилась к ней спиной. За спиной был идеальный мир, в котором она больше не хотела жить. Сорок девять лет. Архитектор. Разведена. Она строила дома для других, но не могла построить свою жизнь.

Квартира была просторной, чистой, безупречной. Каждая вещь лежала на своём месте. Каждая деталь была продумана. Идеальный порядок. Идеальная пустота. Анна прошла в гостиную и остановилась у окна. За стеклом шумел город — машины, голоса, шаги. Она смотрела на этот мир и чувствовала себя оторванной. Как будто стояла за стеклом, а жизнь была снаружи. Живой, шумный, настоящий. А она была здесь. Внутри. В своей идеальной клетке.

В зеркале напротив — женщина с острыми скулами, серыми глазами, которые давно потеряли блеск. Волосы тёмные, с проседью у висков, собраны в тугой пучок. Высокая, стройная, но какая-то прозрачная. Как будто её можно было разглядеть только у окна, на фоне света. Анна провела рукой по лицу — кожа была сухой, тёплой, но неживой. Пальцы длинные, с тонкими костяшками, без колец. Она давно сняла кольцо. И не надела другое.

За окном начинался дождь. Капли стекали по стеклу, искажая огни города. Анна стояла и смотрела, как они падают, и думала о том, что завтра будет то же самое. И послезавтра. И через год. Она ничего не чувствовала при этой мысли.

В пятницу вечером она вышла из дома. Не знала, куда идёт. Просто не могла больше сидеть в тишине. Шла по улице — длинные шаги, прямая спина, руки в карманах пальто. Мимо фонарей, мимо людей, которые разговаривали, смеялись, жили. Её походка была ровной, сдержанной. Никаких лишних движений. Только прямой путь от точки А до точки Б. Дошла до кофейни — маленькая, с жёлтым светом внутри. Толкнула дверь и вошла.

Внутри пахло кофе и выпечкой. За стойкой стоял парень — лет тридцать, светлые волосы, улыбчивые глаза. Он смотрел на неё с интересом, как на что-то необычное. Анна села у окна.

— Что будете? — спросил он, подходя. Голос низкий, тёплый.

— Кофе. Чёрный.

Он принёс чашку, поставил перед ней. Анна смотрела в окно — дождь стучал по стеклу, люди бежали под зонтами, машины проезжали мимо.

— Вы здесь в первый раз, — сказал он.

— Откуда вы знаете?

— Я всех запоминаю. Вас бы я запомнил.

Она подняла на него взгляд. Светлые глаза, лёгкая щетина, руки — крупные, с длинными пальцами. Он был выше неё, широкоплечий, но двигался легко, без напряжения. На нём был чёрный фартук, под которым угадывалась худая, подтянутая фигура. Когда он наклонялся к ней, она чувствовала его запах — кофе, дождь, что-то свежее.

— Меня зовут Анна, — сказала она.

— Артём.

Он сел напротив. Анна хотела сказать, что он работает, но он махнул рукой.

— У меня перерыв.

Она смотрела на него и не знала, что сказать. Он смотрел на неё и улыбался. В его глазах было что-то тёплое, живое.

— Вы часто смотрите в окно? — спросил он.

— Да.

— Что вы там видите?

— Жизнь, — сказала она. — Которая проходит мимо.

— Почему вы не в ней?

Анна промолчала. Он смотрел на неё, не отводя глаз.

— Вы выглядите так, будто ждёте чего-то, — сказал он. — Чего?

— Не знаю.

Он коснулся её руки. Лёгкое прикосновение, почти случайное. Но она почувствовала, как по коже побежали мурашки. Она не отняла руку.

— Приходите завтра, — сказал он. — Я буду работать. Мы откроем окно.

— Зачем?

— Чтобы вы могли выйти.

Анна не ответила. Встала, оставила деньги на столе и вышла на улицу. Дождь прошёл. Ветер дул в лицо. Она шла домой и думала о нём. О его глазах. О его улыбке. О том, что она не знает его, но уже хочет вернуться.

На следующий день она вернулась. Снова села у окна. Артём подошёл с улыбкой и открыл окно. Внутрь ворвался свежий воздух, запах дождя и мокрого асфальта. Анна смотрела на улицу и чувствовала, как ветер касается её лица.

— Холодно, — сказала она.

— Это жизнь, — сказал он. — Она не всегда тёплая.

Анна смотрела на него. Он был моложе её, но в его глазах была какая-то мудрость. Он смотрел на неё так, будто видел её настоящую.

— Почему вы боитесь выйти из своей клетки? — спросил он.

— Я не боюсь.

— Бойтесь. Я вижу.

Анна смотрела в его глаза. Внутри неё что-то ломалось — старое, правильное, идеальное.

— Что я должна сделать?

— Просто шагнуть.

Она смотрела в открытое окно, на улицу, на город, на жизнь, которая ждала её там. Артём держал её за руку. За окном залаяла собака. Анна улыбнулась.

Вечером она пришла к нему домой. Маленькая квартира, книги на полках, гитара в углу. Всё простое, настоящее, живое. Анна стояла у окна и смотрела на ночной город. На подоконнике сидела рыжая кошка и смотрела на неё жёлтыми глазами.

— Кто это? — спросила Анна.

— Рыжик, — сказал Артём. — Живёт со мной.

Кошка прыгнула, потёрлась о ноги Анны, замурлыкала. Анна улыбнулась. Чувствовала, как тепло разливается по телу.

— Я не знаю, что делаю.

— Это нормально. Ты живёшь.

Он подошёл сзади. Обнял её. Анна чувствовала его дыхание на своих волосах, его руки на своей талии. Он повернул её к себе. Коснулся её лица. Она смотрела в его глаза и чувствовала, как внутри разливается жар.

— Я хочу тебя.

— Я знаю. Ты не боишься?

— Уже нет.

Он поцеловал её. Медленно, осторожно. Её руки скользнули по его плечам. Он подхватил её на руки и понёс в спальню. Анна смотрела в его глаза, пока он целовал её шею, плечи. Не закрывала глаза. Хотела видеть его. Чувствовала его руки на своей коже, его дыхание.

— Открой окно, — сказала она.

— Зачем?

— Хочу чувствовать ветер.

Артём встал, открыл окно. В комнату ворвался свежий воздух. Анна лежала на кровати и чувствовала, как ветер касается её тела. Он вернулся. Уложил её. Она смотрела в потолок, чувствуя, как он прикасается к ней. Он двигался медленно, давая ей время привыкнуть. Анна хотела запомнить всё. Его глаза, его руки, его дыхание.

Ветер дул ей в лицо, и она чувствовала себя свободной. Свободной от правил, от порядка, от идеальной пустоты. Она была настоящей. Живой. Артём держал её за руку.

— Я хочу быть сверху, — сказала она вдруг.

Он улыбнулся. Перевернулся на спину. Анна села на него, чувствуя его руки на своих бёдрах. Власть. Свобода. Сама задавала темп, сама решала. Смотрела на него и видела, как он теряет контроль. Ветер дул ей в

лицо. Она чувствовала себя королевой.

— Тебе нравится?

— Да. Ты прекрасна.

Она двигалась медленно, потом быстрее. Смотрела ему в глаза и видела, как он смотрит на неё. Она не была пустой. Она была живой, настоящей, свободной.

— Я не вернусь, — прошептала она. — Я останусь здесь. С тобой.

— Оставайся.

Утром Анна проснулась от света. Солнце проникало через занавески. Артём лежал рядом, смотрел на неё.

— Доброе утро.

Она улыбнулась. Подошла к окну. Город просыпался — машины, голоса, шаги. Анна смотрела на него и чувствовала, что она его часть. Она больше не была за стеклом. Она вышла из клетки.

На следующий день она пришла снова. Сама. Открыла дверь ключом, который он дал ей накануне. В квартире пахло кофе. Артём стоял у плиты, жарил яичницу. Кошка сидела на подоконнике.

— Ты пришла.

— Ты дал мне ключ.

— Я хотел, чтобы ты знала: ты всегда можешь войти.

Анна подошла к нему. Обняла со спины. Чувство-

вала его тепло, его запах.

— Я решила.

— Что?

— Я не вернусь в свой мир. В свой идеальный, правильный, пустой мир.

Он повернулся к ней. Взял её лицо в ладони.

— Ты уверена?

— Да. Я хочу быть здесь. С тобой. С этим ветром и этим окном, из которого я наконец вышла.

Артём улыбнулся. Поцеловал её. Медленно, глубоко. Анна чувствовала, как он есть. Рядом. Настоящий.

— Я не знаю, что будет дальше.

— Узнаем. Вместе.

Она села за стол. Он поставил перед ней тарелку с яичницей, налил кофе. Кошка прыгнула к ней на колени. Анна гладила её, чувствуя, как та мурлычет.

— Я давно не сидела вот так. За завтраком. С кем-то.

— Это хорошо. Начинать утро с того, что ты не одна.

Анна улыбнулась. За окном шумел город — голоса, машины, шаги. Она смотрела на него и чувствовала, что она его часть. Больше не была пустой. Больше не была за стеклом.

Она не знала, сколько это продлится. Не знала, будет ли он рядом всегда. Но знала одно: она сделала

свой выбор. Она вышла из клетки. Она живая.

Рассказ 5. НОЧНАЯ СМЕНА

Екатерина толкнула тяжёлую дверь офисного центра и вошла в темноту. За спиной остался город, впереди — ночь. Она работала уборщицей третий год. Ей было тридцать пять. Разведена. Двое детей жили с бабушкой в другом городе. Она отправляла им деньги каждый месяц. Маленькие переводы. Маленькие надежды. Сама она жила в комнате на окраине, где пахло сыростью и чужими вещами. Вставала в восемь вечера, уходила на работу в десять, возвращалась в шесть утра. Спала до обеда. И так каждый день. Жизнь была серой, ровной, без событий. Она почти привыкла.

На вид Екатерина была невысокой, с тёмными волосами, которые всегда убирала в хвост, чтобы не мешали. Лицо бледное, с тонкими чертами, глаза серые, как утренний туман. В них не было блеска, только усталость. Двигалась бесшумно, как тень. Походка лёгкая, но какая-то сломанная — плечи ссутулены, руки всегда опущены. Когда проходила мимо зеркал, не смотрела в них. Знала, что там не на что смотреть. На работе носила старую футболку и джинсы, одежда всегда пахла хлоркой.

Она шла по коридору, ведя за собой швабру. Пла-

стиковое ведро катилось с тихим дребезгом, и этот звук был единственным, что нарушало тишину. Ей нравилось работать ночью — никого нет, можно не прятать лицо, можно быть собой. Можно не улыбаться.

В углу, у стойки охраны, горел тусклый свет. Она прошла мимо, как всегда, не поднимая головы. Но в этот раз кто-то сказал:

— Доброй ночи.

Она остановилась. Повернула голову. За стойкой сидел мужчина — лет сорока, короткая стрижка, уставшие глаза. На форме блестели пуговицы. Смотрел на неё спокойно, без насмешки.

— Доброй ночи, — ответила она.

— Тяжело работать ночью? — спросил он.

— Привыкла.

Он кивнул. Она хотела уйти, но он продолжал смотреть. Не как на уборщицу. Как на человека.

— Меня Сергей зовут, — сказал он.

— Екатерина.

Она сказала своё имя и почувствовала, как что-то дрогнуло внутри. Она не представлялась людям. Она была невидимой.

Ночная смена тянулась медленно. Она мыла полы в кабинетах, протирала столы, выносила мусор. Но мысли были у стойки охраны. Она проходила мимо

несколько раз, и каждый раз он смотрел на неё и улыбался. Когда она выходила из кабинета директора, он стоял в коридоре.

— Я смотрю, вы быстро работаете, — сказал он.

— Стараюсь.

— Может, чай? У меня есть термос.

Она хотела отказаться. Но почему-то кивнула. Он принёс две кружки, налил горячий чай. Они стояли у окна и смотрели на ночной город. Огни мерцали внизу, где-то проехала машина.

— Почему вы работаете ночью? — спросил он.

— Дети у бабушки. Днём я сплю.

— А муж?

— Бывший.

Он не стал спрашивать дальше.

— Я тоже разведён, — сказал он. — Три года. Живу один.

Она смотрела на его руки, сжимавшие кружку. Крупные, с чёткими суставами. Ей захотелось коснуться их.

— Вы всегда работаете здесь? — спросила она.

— Второй год. Ночные смены. Платят больше.

Он вздохнул и посмотрел на часы.

— Смена заканчивается. Я провожу вас до выхода.

Она не возражала. Они вышли в холл, и он взял её за руку. Просто взял. Сердце забилось быстрее.

— Екатерина, — сказал он. — Я хочу вас видеть. Не только на работе.

Она смотрела на его глаза и не знала, что сказать.

— Я не знаю, — ответила она. — Я не привыкла...

— Я буду ждать. В любое время.

Она кивнула. Шла домой и думала о нём. О его голосе, о его руках, о том, что кто-то её заметил.

На следующий день она снова пришла на работу. В этот раз, проходя мимо стойки, остановилась сама.

— Доброй ночи, — сказала она.

— Доброй, — ответил он с улыбкой.

Она помыла полы быстрее обычного. Всё думала о нём. Когда закончила, он уже стоял в коридоре.

— Я хочу тебя видеть, — сказал он. — Не только на работе. Пойдём.

Она не спросила куда. Просто пошла за ним.

Он привёл её в свою квартиру. Маленькая, чистая, пахло деревом и табаком. На столе лежала книга, которую он читал. За окном начался дождь. Капли забарабанили по стеклу. Екатерина стояла у окна и смотрела на мокрый город.

— Я живу один, — сказал он. — Здесь тихо. Мне нравится.

Она стояла у окна, смотрела на ночной город. Дождь стучал по стеклу, ветер врывался в приоткрытую форточку и касался лица. Он подошёл сзади. Об-

нял. Она чувствовала его дыхание на своих волосах.

— Я не знаю, что делаю, — сказала она.

— Ничего страшного, — ответил он. — Ты здесь. Ты не одна.

Он повернул её к себе. Коснулся её лица. Она смотрела в его глаза и чувствовала, как внутри разливается жар. Он поцеловал её. Она ответила.

Они прошли в спальню. Он снял с неё одежду. Медленно. Она не пряталась. Смотрела на него. Чувствовала его руки на своей коже. Он двигался медленно, давая ей время привыкнуть.

— Я не был с женщиной два года, — сказал он.

— Я тоже, — сказала она.

— Я хочу тебя, — сказал он.

— Я хочу тебя, — сказала она.

Она была сверху. Сама вела, сама решала. Чувствовала его руки на своих бёдрах, его дыхание, его желание. Она была невидимой всю жизнь. Но сейчас — сейчас она была видна. Только ему.

Утром она проснулась от света. Солнце проникало через занавески. Он лежал рядом, смотрел на неё.

— Доброе утро, — сказал он.

Она улыбнулась. Встала. Подошла к окну. Город просыпался. Она чувствовала себя живой.

На следующий день она пришла к нему снова. Они завтракали, пили кофе. Он взял её за руку.

— Я хочу, чтобы ты знала, — сказал он. — Ты не невидимая. Ты есть.

Она посмотрела на него и поняла, что он прав.

— Мне пора на работу, — сказала она.

— Я провожу.

Она улыбнулась, когда он взял её за руку. По дороге они молчали, но тишина была полной. Не пустой. Она чувствовала его ладонь в своей и не хотела отпускать.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала она.

— Я тоже, — сказал он. — Но мы можем узнать.

На третий день у неё был выходной. Она сидела в своей комнате и смотрела на телефон. Пальцы дрожали. Она набрала номер, но сбросила. Снова набрала. И снова. Наконец, нажала «вызов» и замерла. Бабушка ответила.

— Алло?

— Бабушка, это я, — сказала Екатерина.

— Катя? Что случилось? — голос бабушки был встревоженным.

— Всё хорошо. Просто... я хочу поговорить с детьми.

В трубке послышался шум. Дети кричали, смеялись. Потом голос сына — мальчика лет десяти — прозвучал в трубке:

— Мама?

— Да, сынок. Я здесь.

Она слышала его дыхание, его голос, его жизнь.

— Мама, ты приедешь? — спросил он.

— Я хочу, чтобы вы знали, — сказала она, не отвечая на вопрос. — Я есть. Я всегда была. Я просто... за-
была, как говорить. Но я здесь.

Она слушала его голос и чувствовала, как слёзы текут по щекам. Она больше не была невидимой. Она была матерью. Она была женщиной. Она была здесь.

Вечером она пошла к Сергею. Он открыл дверь и увидел её слёзы.

— Я позвонила им, — сказала она.

— Это хорошо, — сказал он.

— Я сказала, что я есть.

Он обнял её. Она чувствовала его тепло, его дыхание. И больше не хотела быть невидимой.

Рассказ 6. ПИРОГ С ЯБЛОКАМИ

Зоя взяла нож и начала резать яблоки. Кожура тонкой лентой падала на стол, и она смотрела на неё, не чувствуя ничего. Сорок пять лет. Бухгалтер. Замужем двадцать лет. Она была пустым местом в собственном доме.

Запах яблок, корицы и масла заполнял кухню. Она любила этот запах. Он был единственным, что делало её дом уютным. Она жила в этом доме двадцать лет. С мужем. С детьми. С привычкой быть незаметной. Муж, Андрей, был старше на пять лет. Они жили вместе, но по-настоящему не видели друг друга уже десять лет. Он вставал, завтракал, уходил на работу, возвращался, ужинал, смотрел телевизор, ложился спать. Она тоже вставала, завтракала, уходила на работу, возвращалась, ужинала, убирала, ложилась спать. Они существовали в одном пространстве, но между ними была пустота. Утром она смотрела на его руки, когда он брал чашку, и чувствовала себя пустым местом. Он не замечал её. Он не замечал, что она постриглась. Не замечал, что она купила новое платье. Не замечал, что она плакала в ванной. Она была для него мебелью. И она привыкла.

На вид Зоя была невысокой, с тёмными волосами,

которые она носила в пучок. Лицо бледное, с тонкими морщинками у глаз, а взгляд уставший, потухший. Одевалась просто, незаметно, как будто хотела слиться со стеной. Руки сухие, с чёткими суставами, без колец. Она сняла обручальное кольцо много лет назад и больше не надевала. Походка ровная, без лишних движений, как у человека, который научился не привлекать внимания.

Вечером, когда она стояла у плиты и смотрела на пирог, в дверь постучали. Она открыла. На пороге стоял сосед. Он жил через стену, был разведён, жил один, часто стучал, когда нужна была соль или сахар. Зоя называла его «сосед». Она не знала, как его зовут, пока он не сказал:

— Меня зовут Павел.

— А я Зоя.

Он пришёл за солью. Она дала ему соль. Он ушёл.

Павлу было около пятидесяти. Высокий, с седой щетиной на лице и тёмными глазами, которые смотрели внимательно, как будто видели больше, чем говорили. Руки крупные, с натруженными пальцами — он работал плотником и часто пах деревом и смолой. Одевался просто: старые джинсы, клетчатая рубашка. Он был некрасивым, но в нём была какая-то сила, которая чувствовалась даже на расстоянии.

Ночью она лежала в кровати и смотрела в потолок.

Муж спал рядом. Она думала о соседе. О его голосе. О том, как он смотрел на неё. Впервые за десять лет она чувствовала, что её кто-то видит. Тёплый воздух в спальне казался липким и душным. Она открыла окно. Внутри ворвался холодный ветер, и она почувствовала, как по коже побежали мурашки. Она не закрыла окно. Лежала и смотрела в потолок, чувствуя, как холод касается её лица.

Утром она встала, приготовила завтрак. Муж ушёл на работу. Она стояла у окна и смотрела на улицу. Дождь стучал по стеклу. Она думала о Павле. О его глазах. О его голосе. Вечером, когда она убирала на кухне, в дверь снова постучали. Она открыла. На пороге стоял он.

— У вас есть сахар? — спросил он.

— Есть, — сказала она.

Она дала ему сахар. Он не уходил. Стоял и смотрел на неё.

— Вы сегодня красивая, — сказал он.

Она не знала, что ответить. Никто не говорил ей этого десять лет.

— Это просто платье, — сказала она.

— Нет, — сказал он. — Это вы.

Она закрыла дверь. Стояла, прислонившись к стене, и чувствовала, как сердце бьётся быстрее. Она подошла к зеркалу. Женщина с тёмными волосами, ко-

торые давно потеряли блеск, с уставшими глазами, с морщинками у губ. Она видела себя и не понимала, что он в ней нашёл. Но его слова звучали в голове весь вечер.

Ночью она снова не спала. Лежала и смотрела в потолок. Рядом спал муж. Она думала о Павле. О его голосе. О его глазах. О том, что он сказал ей. Она не знала, что с ней происходит. Но внутри неё что-то менялось. Холодный воздух из открытого окна касался её лица, но она не закрывала его. Она хотела чувствовать холод. Она хотела чувствовать хоть что-то.

Утром она встала рано. Решила испечь пирог специально для него. Пока тесто поднималось, она смотрела в окно. За окном шёл дождь. Капли стекали по стеклу, искажая очертания домов. Она думала о Павле и чувствовала, как внутри разливается тепло. Когда пирог был готов, она завернула его в чистое полотенце и постучала в его дверь. Он открыл. На нём была простая футболка, и она заметила, какой у него взгляд — внимательный, тёплый.

— Я принесла вам пирог, — сказала она.

— Заходите, — сказал он.

Она вошла. Квартира была маленькой, чистой, без вещей. Он жил один, и это было видно. На столе лежала книга, которую он читал. На подоконнике сидел рыжий кот, который смотрел на неё жёлтыми глаза-

ми.

— Кто это? — спросила она.

— Рыжий, — сказал он. — Живёт со мной.

Кот прыгнул, подошёл к ней, потёрся о ноги. Она улыбнулась. Ей было легко с ним. Она не чувствовала себя неловко. Она поставила пирог на стол, нарезала его. Он сел напротив и смотрел, как она двигается, как держит нож. Он не скрывал, что смотрит на неё.

— Я живу один, — сказал он.

— Я знаю.

— У меня нет никого, — сказал он.

— У меня тоже, — сказала она.

Он посмотрел на неё.

— У вас есть муж.

— Это не считается, — сказала она.

Он молчал. Она стояла у окна и смотрела на улицу. Дождь стих, но асфальт был мокрым, и фонари отражались в лужах. Он подошёл сзади. Она чувствовала его дыхание на своих волосах.

— Вы не должны быть одна, — сказал он.

— Я привыкла.

— Это не ответ.

Она повернулась к нему. Смотрела в его глаза. Она не знала, что делать, но она хотела, чтобы он коснулся её. И он коснулся. Его пальцы скользнули по её щеке. Она чувствовала, как по коже бегут мурашки. Он по-

целовал её. Медленно, осторожно. Она ответила. Потом они сидели на диване. Он держал её за руку. Кот свернулся у неё на коленях.

— Я не знаю, что делать, — сказала она.

— Просто будь здесь, — сказал он. — Будь со мной.

— У меня есть муж, — сказала она.

— Это не считается, — повторил он её слова.

Она улыбнулась. Слезы текли по щекам, но она не вытирала их. Она больше не хотела быть пустым местом.

Вечером она вернулась домой. Муж сидел в гостиной, смотрел телевизор. Она прошла мимо, и он даже не поднял головы. Она легла в кровать и смотрела в потолок. Внутри неё что-то менялось. Она думала о Павле, о его руках, о его голосе. Она решила, что завтра всё скажет Андрею. Ночью она не спала. Смотрела на мужа, который лежал рядом, и чувствовала, что между ними нет ничего. Пустота. Она больше не хотела в ней жить. Холодный воздух всё ещё проникал через открытое окно. Она лежала и смотрела в потолок, чувствуя, как холод касается её лица. И ей было хорошо.

Утром она встала раньше мужа. Приготовила завтрак. Он вышел на кухню, как всегда, не глядя на неё.

— Андрей, — сказала она.

Он поднял голову. Впервые за долгое время он по-

смотрел на неё.

— Я хочу поговорить, — сказала она.

Он молчал.

— Я не могу так жить, — сказала она. — Ты меня не видишь. Я для тебя пустое место.

— Ты это серьёзно? — спросил он.

— Да, — сказала она. — Я серьёзно.

Он молчал. Смотрел на неё. Потом сказал:

— Делай что хочешь.

Она кивнула. Она не ждала другого ответа. И в этом был её ответ. Она вышла из дома и направилась к Павлу. Открыла дверь своим ключом. Он стоял на кухне, варил кофе. Кот сидел на подоконнике.

— Я сказала ему, — сказала она.

— И что он сказал? — спросил он.

— Что я могу делать что хочу.

— Ты сделала это? — спросил он.

— Да, — сказала она. — Я не хочу быть пустым местом.

Он подошёл к ней. Обнял. Она чувствовала его тепло, его дыхание. И знала, что больше не будет невидимой.

Рассказ 7. Жарче, чем было

Ольга вышла на балкон и вдохнула холодный воздух. Дождь только начинался. Ей было пятьдесят. Была одна. Муж умер пять лет назад. Дети выросли и уехали. Стояла на балконе. Капли дождя касались лица. Не пряталась. Хотела чувствовать.

На вид Ольга была высокой, с седыми волосами, которые собирала в пучок. Лицо бледное, с тонкими морщинками у глаз, взгляд уставший, потухший. Одевалась просто, незаметно, как будто хотела остаться невидимой. Руки сухие, с чёткими суставами, без колец. Сняла обручальное кольцо сразу после похорон и больше не надевала. Походка ровная, без лишних движений, как у человека, который научился не привлекать внимания.

Стояла на балконе, смотрела вниз. Дождь усиливался. Вдруг увидела его. Он стоял на улице под дождём, подняв голову, смотрел на неё. Сосед. Высокий, с седой щетиной, с тёмными глазами. Видела его раньше, но никогда не разговаривала. Он улыбнулся и помахал рукой. Ольга замерла. Он видел её. Он заметил её.

Не знала, что делать. Но знала — не хочет прятаться. Сняла пальто с вешалки, надела и вышла из квар-

тиры. Спускалась по лестнице, чувствуя, как сердце бьётся быстрее. Не знала, зачем делает это. Просто хотела быть рядом.

Он стоял у подъезда, когда она вышла. Дождь лил как из ведра, но он не прятался. Смотрел на неё и улыбался.

— Ты вышла, — сказал он.

— Ты ждал меня, — сказала она.

— Я ждал.

Стояла под дождём. Капли стекали по лицу. Холода не чувствовала. Только его взгляд.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Виктор. А тебя?

— Ольга.

Он взял её за руку. Пальцы были тёплыми, несмотря на дождь. Не отняла.

— Ты не боишься, что кто-то увидит? — спросил он.

— Я устала бояться, — сказала она.

Он привёл её к себе домой. Маленькая квартира, книги на полках, на столе — чашка с чаем. На подоконнике сидел чёрный кот и смотрел на них жёлтыми глазами.

— Кто это? — спросила Ольга.

— Чёрныш, — сказал Виктор. — Живёт со мной.

Кот прыгнул, подошёл к ней, потёрся о ноги. Она улыбнулась. Ей было легко с ним. Она не чувствовала

себя неловко.

Они сидели на кухне, пили чай. Он рассказывал о своей жизни. Он вдовец, работает учителем физкультуры в школе. Она слушала его и чувствовала, как внутри разливается тепло. Он был таким же одиноким, как она. И это сближало их.

Вечером он подошёл к ней. Обнял её. Она чувствовала его дыхание на своих волосах. Он поцеловал её шею, плечи. Она закрыла глаза и позволила себе чувствовать.

— Ты боишься? — спросил он.

— Нет, — сказала она.

— Ты не должна бояться.

Он взял её за руку и повёл в спальню. Снял с неё одежду. Медленно. Она не пряталась. Смотрела в его глаза. Чувствовала его руки на своей коже. Он двигался медленно, давая ей время привыкнуть. Она была сверху. Сама решала. Чувствовала его руки на своих бёдрах, его дыхание, его желание. Она была невидимой всю жизнь. Но сейчас — сейчас она была видна. Только ему.

Утром она проснулась от света. Солнце проникало через занавески. Он лежал рядом, смотрел на неё.

— Доброе утро, — сказал он.

Она улыбнулась. Встала, подошла к окну. Город просыпался. Она чувствовала себя живой.

— Ты не одна, — сказал он, подходя сзади и обнимая её. — Ты есть.

Она посмотрела на него и поняла, что он прав.

Вечером она снова стояла на балконе. Дождь прошёл. Он стоял внизу и смотрел на неё. Она улыбнулась. Впервые за долгое время она чувствовала себя живой. Но на следующий день она поняла, что хочет большего. Она не хотела просто стоять и смотреть на него. Она хотела быть рядом.

Она вышла на улицу. Он ждал её. Они пошли гулять по городу. Асфальт был мокрым, и огни отражались в лужах. Они молчали, но тишина была полной. Не пустой. Она чувствовала его локоть рядом с собой. Дошли до моста и остановились. Внизу текла река, тёмная и холодная. Ветер дул в лицо. Она чувствовала, как холод касается её кожи.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала она.

— Я тоже, — сказал он. — Но я хочу, чтобы ты знала: я не уйду. Я буду ждать. Я буду рядом.

Она посмотрела на реку. Вода текла — холодная, тёмная, живая. Вдыхала воздух и чувствовала, как внутри разливается тепло. Контраст холода снаружи и тепла внутри делал её живой. Больше не была невидимой. Была рядом с ним. Была живой.

Не знала, сколько это продлится. Не знала, будет ли он рядом всегда. Но знала одно: больше не боится.

Больше не прячется. Живая. С ним.

Рассказ 8. СУХАЯ ЗЕМЛЯ

Варвара нагнулась и зачерпнула сухую землю ладонями. Она рассыпалась между пальцев, как пыль. Сорок шесть лет. Агроном. Разведена. Работала с землёй двадцать лет, но в последние годы земля была сухой. Как она сама.

На вид Варвара была невысокой, коренастой, с загорелой кожей и короткими тёмными волосами, которые прятала под платком. Лицо обветренное, с грубыми чертами, глаза серые, как земля под ногами. Не следила за собой. Одевалась в старые штаны и рубашку, которые пахли землёй и навозом. Руки сухие, с натруженными ладонями, покрытыми трещинами. Никаких колец. Никогда не было. Походка тяжёлая, уверенная, как у человека, который привык опираться на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.